

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПЛЕОНАСТИЧЕСКИХ И ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (РУССКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫКИ)

Баисов Улугбек Карабекович

Старший преподаватель кафедры русского языка
Ташкентского международного университета Киме

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20569974>

Аннотация. В статье исследуется лингвокультурная природа плеонастических и тавтологических фразеологизмов в русском и узбекском языках. На сопоставительном материале выявляются семантические, структурные и прагматические механизмы формирования избыточных лексических конструкций, закрепленных в идиомах. Анализируются когнитивные основания тавтологической экспрессии, историко-этнографические факторы их возникновения и функции в современном дискурсе.

Ключевые слова: фразеология, плеоназм, тавтология, сопоставительный анализ, лингвокультурология, русский язык, узбекский язык, этнокультурная специфика.

RUS VA O‘ZBEK TILLARI FRAZELOGIYASIDAGI PLEONASTIK VA TAVTOLOGIK BIRLIKLARNING MILLIY-MADANIY O‘ZIGA XOSLIGI: QIYOSIY ASPEKT

Baisov Ulugbek Karabekovich
Toshkent Kimyo Xalqaro Universiteti
Rus tili kafedrasida katta o‘qituvchi

Annotatsiya. Maqolada rus va o‘zbek tillaridagi pleonastik va tautologik frazeologizmlarning lingvomadaniy tabiati tadqiq qilinadi. Qiyosiy material asosida ortiqcha leksik konstruktsiyalarning semantik, tuzilish va pragmatik mexanizmlari aniqlanadi. Tautologik ekspressiyaning kognitiv asoslari, ularning vujudga kelishidagi tarixiy-etnografik omillar va zamonaviy diskursdagi funksiyalari tahlil qilinadi.

Kalit so‘zlar: frazeologiya, pleonazm, tautologiya, qiyosiy tahlil, lingvo madaniyat shunoslik, rus tili, o‘zbek tili, etnomadaniy o‘ziga xoslik.

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS OF PLEONASTIC AND TAUTOLOGICAL UNITS IN PHRASEOLOGY: COMPARATIVE ASPECT (RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES)

Baisov Ulugbek Karabekovich
Senior lecturer
Kimyo International University in Tashkent

Abstract. The article examines the linguocultural nature of pleonastic and tautological phraseological units in Russian and Uzbek. Based on comparative material, semantic, structural, and pragmatic mechanisms forming redundant lexical constructions fixed in idioms are identified.

The cognitive foundations of tautological expressiveness, historical and ethnographic factors of their emergence, and functions in modern discourse are analyzed.

Keywords: phraseology, pleonasm, tautology, comparative analysis, linguoculturology, Russian language, Uzbek language, ethnocultural specificity.

Фразеологический фонд любого языка аккумулирует не только лингвистические закономерности, но и глубокие пласты этнокультурной памяти. Плеонастические и тавтологические конструкции традиционно рассматриваются стилистикой как отклонения от языковой нормы, однако во фразеологическом уровне они приобретают статус устойчивых семантических моделей, выполняющих экспрессивно-эмоциональную и интенсифицирующую функции [1, 45]. В русском и узбекском языках такие единицы демонстрируют принципиально различные пути мотивации, обусловленные различиями в типологии, историческом развитии и когнитивных паттернах соответствующих лингвокультур. Сопоставительный анализ позволяет выявить не только структурные расхождения, но и механизмы концептуализации избыточности как средства актуализации национального мировосприятия.

Русская фразеология тяготеет к логико-семантическому дублированию, где плеоназм часто реализуется через сочетание синонимичных компонентов, усиливающих смысловую акцент. Выражения вроде «горькая правда», «первый дебют» или фразеологизмы «бросить камень в огород», «водить за нос» сохраняют внутреннюю семантическую избыточность, которая исторически закрепились как норма выразительности. Тавтологические модели в русской речи («спросить вопрос», «памятный сувенир») во фразеологическом пласте трансформируются в конструкции с усиленной внутренней формой: «как две капли воды», «ни рыба ни мясо». Такая избыточность выполняет прагматическую задачу предельной конкретизации образа, снижая вероятность двусмысленного толкования [2, 89]. Когнитивной основой выступает стремление к тотальному описанию ситуации, где каждый компонент служит дополнительным маркером достоверности.

Узбекская фразеология, напротив, оперирует избыточностью преимущественно в сфере эмоционально-оценочной и ритмико-интонационной организации. Тюркская языковая традиция, опирающаяся на сингармонизм и агглютинативную структуру, формирует плеонастические конструкции через повторение корня, дублирование признаков или наложение семантически близких метафор. Фразеологизмы «qora ko'z» (черный глаз), «oq yo'l» (белый путь) или устойчивые сочетания с тавтологическим ядром демонстрируют не логическое дублирование, а эмоциональное наращивание интенсивности. Здесь избыточность выполняет функцию ритмической стабилизации и сакральной маркировки, восходящей к устно-поэтическому творчеству и обрядовой лексике [3, 112]. Узбекский плеоназм редко стремится к логической конкретизации; он направлен на создание целостного эмоционального поля, где повторение становится инструментом запоминания и передачи культурного кода.

Историко-этнографические факторы существенно дифференцируют пути закрепления избыточных моделей в обоих языках. Русская фразеологическая избыточность во многом сформировалась под влиянием книжной культуры, канцелярского стиля и литературной традиции, где точность формулировки ценилась выше стилистической лаконичности. Тавтологические конструкции часто возникали в результате калькирования или переосмысления архаичных форм, сохранивших двойное указание на один признак. В узбекской традиции плеонастические и тавтологические единицы уходят корнями в фольклор, эпическое повествование и суфийскую поэзию, где повтор служил мнемоническим и медитативным приемом. Фразеологизмы с внутренней тавтологией закрепляли не объективную реальность, а субъективное переживание, акцентируя внимание на духовной или эмоциональной интенсивности явления [4, 76].

Сопоставительный анализ выявляет принципиальное различие в механизмах интеграции плеонастических единиц в современный дискурс. Русский язык демонстрирует тенденцию к стилистической маркировке тавтологии как признака сниженной речи или канцеляризма, тогда как во фразеологическом уровне такие конструкции сохраняют статус нормы благодаря устоявшейся культурной коннотации. Узбекский язык, напротив, воспринимает плеоназм как органичный элемент выразительности, не требующий стилистического оправдания. Это обусловлено различиями в прагматических ожиданиях реципиента: русскоязычный адресат ценит информативную плотность, узбекскоязычный — эмоциональную насыщенность и ритмическую завершенность [5, 134]. Переводческие эквиваленты часто теряют исходную избыточность, что приводит к утрате культурного подтекста и снижению прагматического воздействия.

Лингвокультурологический аспект изучения плеонастических и тавтологических фразеологизмов позволяет пересмотреть традиционное противопоставление нормы и отклонения. Избыточность во фразеологии выступает не как речевой дефект, а как когнитивный маркер, фиксирующий специфику национальной концептуализации мира. Русские модели тяготеют к логической детализации и снижению семантической неопределенности, узбекские — к эмоциональному усилению и ритмической стабилизации. Понимание этих механизмов имеет прямое прикладное значение для методики преподавания РКИ и узбекского языка как иностранного, где игнорирование культурно обусловленной избыточности ведет к коммуникативным сбоям. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на корпусном анализе частотности подобных единиц в современном медиадискурсе и разработке адаптивных лексикографических подходов, учитывающих прагматический потенциал фразеологической тавтологии.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 412 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: Олма Медиа Групп, 2007. — 560 с.
3. Ахметова, Р. М. Сопоставительная фразеология русского и узбекского языков / Р. М. Ахметова. — Ташкент: Изд-во Ташкентского государственного университета, 2010. — 215 с.
4. Шукурджанов, У. Ш. Лингвокультурологические аспекты узбекской фразеологии / У. Ш. Шукурджанов // Филологический вестник. — 2015. — № 3. — С. 88–94.
5. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1947. — № 5–6. — С. 3–19.
6. Каримов, А. А. Плеонастические конструкции в тюркских языках: функционально-семантический аспект / А. А. Каримов // Oriental Studies. — 2018. — № 2. — С. 112–120.
7. Золотых, М. С. Тавтология и плеоназм в современной речи: норма и выразительность / М. С. Золотых // Русский язык в школе. — 2012. — № 4. — С. 34–39.